

В. Е. Семенов

**Рецензия на монографию
«Университет и город в России (начало XX в.)» (М., 2009)**

Vadim E. Semenov

**Review of the monograph «University and city in Russia
(beginning of the XX century)» (M., 2009)**

Университет и город в России : (начало XX в.) : сборник / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – 777, [1] с. – (История науки).

В аннотации к данной работе сказано, что «сборник посвящен исследованию городского контекста эволюции университетов Российской империи предреволюционного периода». Историки из России, Германии и Эстонии переосмысливают жизнь «университетского человека» в плане изучения условий производства знания и его институциональной основы, «отходя от привычных – ведомственно-факультетских или идейно-политических – подходов». Во вступительной статье к этому изданию один его авторов заявляет о намерении «представить свои соображения по развитию нескольких российских университетов, а также определить задачи для последующих исследований» (с. 13). Такова была заявка этого проекта. Для полноты картины представленных показателей стоит указать на авторов и названия их статей.

Профессор Геттингенского университета Труде Маурер написал два весьма обстоятельных статьи: «Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов» и «Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты», редактор журнала «Новое литературное обозрение» Александр Дмитриев – «По ту сторону „университетского вопроса“: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.)», доцент Санкт-Петербургского государственного университета Евгений Ростовцев – «Университет столичного города (1905–1917 гг.)», научный сотрудник Московского государственного университета Дмитрий Цыганков – «Московский университет в городском пространстве начала XX в.», профессор Искандер Гилязов – «Город Казань и Казанский университет в начале XX в.», научный сотрудник Тартуского университета Сирье Тамул – «Тарту и его университеты (1905–1918 гг.)».

Каковы были принципы отбора городов и университетов? Авторами коллективной монографии были выбраны три университета: один столичный, один провинциальный и один по-

граничный, находящийся в транзитивной и конфликтной области взаимодействия различных культур. Для России это Санкт-Петербургский, Казанский и Юрьевский университеты. Однако, как пишет Труде Маурер, «с точки зрения отношения города и университета... показалось целесообразным принять также во внимание и Москву – как тогдашнюю фактическую **вторую** столицу и как город, где находится старейший русский университет с самостоятельной и самобытной традицией (который в напряженных отношениях между государством и высшей школой вел себя иначе, чем Петербургский)» (с. 35).

Данная весьма объемная работа написана сугубо академично: один профессор адресует свое сообщение другому профессору. Никаких аллюзий и намеков на текущую российскую ситуацию, никаких «соображений по развитию российских университетов» ни один из авторов не делает. Видно, что все они исповедуют принцип объективности, научной беспартийности, политической беспристрастности. В принципе, такая позиция вполне допустима, но надо отдавать себе отчет, что такой подход сказывается на востребованности данного исследования у широкой неакадемичной, но интеллектуально ангажированной аудитории.

Чем интересна и полезна эта честно и ответственно написанная работа? Автору данной рецензии значимым представляются две вещи: 1) выводы о развитии автономности университетов в Российской империи и 2) используемый категориально-понятийный аппарат. На протяжении всей книги мы видим ценные концептуально-методологические замечания о том, как стоит говорить на эту тему.

Труде Маурер: «Российский университет – вопреки процентным нормам для евреев и поляков – являлся с сословной и с национальной точки зрения учреждением открытым. Это касалось как студенчества, так и преподавательского корпуса. На основе русского языка и ввиду общих целей и задач здесь могли встречаться и сотрудничать представители различных со-

словий и национальностей – как едва ли где-нибудь еще в тогдашней Российской империи» (с. 73) и далее очень ценное замечание: «...непосредственно накануне и во время революции 1905 г. встречаются упоминания и о трениях на национальной почве, например среди студентов в Одессе или в Юрьеве. В этом отношении университет не был **объединяющим** различные национальности элементом, а являлся объектом, за который они стали **конкурировать**» (с. 75). Очень хорошее замечание о том, что открытость института/корпорации способствует не только интеграции, но и конкуренции.

Александр Дмитриев: «Несмотря на то, что студенты университета составляли пополнение образованной элиты общества, это отнюдь не свидетельствовало о блестящем материальном положении студентов. Поскольку Россия начала XX в. была обществом быстро модернизирующимся, образование для многих университетов было способом не столько **воспроизводства** жизненных стратегий и капиталов родителей (по П. Бурдые), сколько их **повышения** и притязания собственных „ставок“ и притязаний» (с. 135). Четко сказано, что в одну эпоху высшее образование может обеспечивать воспроизводства статуса, а в другую – может предоставлять шанс на его повышения.

Евгений Ростовцев: «Масштаб участия (профессорско-преподавательского состава в культурной жизни столицы. – В. С.) был весьма широк, и мы вряд ли можем представить себе научную, культурную и светскую жизнь столицы без представителей ее университета. Однако следует подчеркнуть, что участие почти во всех общественных начинаниях... петербургских профессоров и преподавателей носило **индивидуальный**, а не коллективный характер» (с. 251). Хорошо замечено, что надо различать корпоративное и индивидуальное участие профессуры в культурной и политической жизни города.

Таких методологически ценных положений разбросано немало по страницам этой работы. Так же хорошо прописано и методологическое обоснование разговора на тему автономии университета в России.

Евгений Ростовцев предлагает различать понятия **формальная** и **фактическая автономия**. С **формально-юридической точки зрения**, автономия столичного университета в Петербурге, как и других университетов империи, носила весьма ограниченный характер и была основана на Университетском уставе, государственных правилах и указах. Однако при рассмотрении истории борьбы университетов за автономию необходимо прежде всего учитывать, что проблема университетской автономии

в русском обществе было неразрывно связана с русским освободительным движением. «В начале XX в. профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии. В этой ситуации предоставление университетам требуемой ими юридической автономии означало бы с точки зрения власти передачу системы высших учебных заведений под полный контроль оппозиции» (с. 280). «В то же время, – указывает Евгений Ростовцев, – **фактически** профессорские советы имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. Таким образом, **фактическая** автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор преподавательской корпорации» (с. 280). Неудивительно, что при таких отношениях с правительством и министерством сама идея автономии понималась как фактическая независимость от власти. Евгений Ростовцев делает указание, что «в этих условиях... практически не было места для формирования позитивной программы сотрудничества власти и преподавательской корпорации» (с. 285).

В конце своей работы о Петербургском университете в 1905–1917 гг. Евгений Ростовцев предлагает следующий вывод: «Отношения университета с городским сообществом, таким образом, показывают, что в определенной степени идея автономии университетов от государства в российских условиях, в ситуации отсутствия прочных гражданских институтов, превращалась в идею автономии университетов от общества... В то же время бюрократизация, тотальная регламентация со стороны государства сковывала университет... создавала почву не для совместной работы, а для совместной фронды по отношению к центральной власти.

Так крупнейший научный и общественный центр в столице Империи превращался в „башню из слоновой кости“, спекулируя на своей фактической свободе и академической автономии». Такой эскапизм негативно сказался на положении университета после революции 1917 г.: «в 1920-е гг. произошла ликвидация не только „университетской автономии“, но и почти всех общественных структур, созданных при университете в начале XX в.» (с. 321).

Это, пожалуй, самый значимый вывод всей коллективной монографии.

Вторым по значимости выводом являются замечания Труде Маурера о том, что степень

вложенности университета в городское пространство прямо обратна величине этого города.

Рассматривая треугольник отношений «университет – государство – город», Маурер указывает, что город и университет были как разнонаправленные полюса, стремившиеся к самостоятельности и преследовавшие свои собственные и противоположные друг другу интересы. Поэтому на уровне города речь шла скорее о спорадических контактах, чем непрерывном и упорядоченном сотрудничестве: «И наоборот, университеты в малых городах, уже за счет своего экономического значения для небольших городов, были сильнее интегрированы в городские структуры. Поэтому города были

особо заинтересованы в благополучии „своих“ университетов и готовы к более тесному сотрудничеству и поддержке» (с. 70).

Это любопытное замечание, из которого можно сделать вывод, что по мере роста города возрастает сложность интеграции университета в городское пространство. Однако по прочтении работы открытым остается вопрос о модели автономии и необходимости университета. От чего должен быть автономен университет: от общества или от государства? Если от общества, то каким образом, по какой модели должны сейчас выстраиваться отношения университетского профессора и государственного чиновника? История российских университетов ответа на этот вопрос не дает.